

УДК 321.01 + 32.019.51

DOI: 10.17223/1998863X/35/20

Н.В. Полякова

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦИИ: МЕЖДУ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМОМ И СОПРОТИВЛЕНИЕМ

В контексте современных методологических подходов рассматриваются политические практики конструирования образа событий Второй мировой войны во французском общественном сознании, выстроенные на основе диалектики памяти и забвения. Анализируются основные тенденции эволюции официального политико-исторического дискурса в современной Франции, а также цели и смыслы присвоения французской политической элитой данного исторического опыта.

Ключевые слова: политика памяти, коллаборационизм, Сопротивление, Франция, «синдром Виши».

Спустя семьдесят лет после окончания Второй мировой войны, можно говорить именно о феномене этой войны, включающем в себя целый комплекс социально-экономических, политико-идеологических, военно-технических, а также психологических и культурно-символических аспектов, которые активно интерпретируются и используются в рамках политики памяти, приобретая свои специфические особенности в том или ином национально-государственном контексте. Французская специфика воспоминаний о событиях этой войны обусловлена особыми историческими обстоятельствами: «Франция была единственной среди великих военных и экономических держав, которой пришлось пережить полный разгром и оккупацию. Она была единственной из захваченных немцами стран, где создание законного правительства было прямо обусловлено обстоятельствами военного поражения, и это правительство смогло достаточно долго оставаться у руля в неоккупированной части территории, причем в течение четырех лет вело переговоры не только об условиях перемирия и оккупации, но и, по собственной инициативе, о месте Франции в будущей «немецкой Европе». И она, по-видимому, была единственной страной, где контраст между до- и послевоенной политической, культурной и общественной жизнью из-за немецкой оккупации оказался столь разительным» [1].

Эти особенности французской памяти о Второй мировой войне тесно взаимосвязаны, в том числе и со спецификой ее исторической памяти о Первой мировой войне. Недаром Марк Блок, обратившись в своем эссе «Странное поражение» к критическому анализу событий «странной войны» 1940 г., неизбежно возвращался к событиям войны 1914–1918 гг. По его мнению, несмотря на, казалось бы, блестящую победу французов и их союзников в Первой мировой войне, победившая Франция оказалась в ситуации настоящей «пирровой победы», которая и создала предпосылки ее будущего «странного поражения» в 1940 г. Дело в том, что Первая мировая – это война, из которой Франция вышла главным победителем, именно поэтому французы восприняли Версальский договор 1919 г. как предательство со стороны союзников,

в первую очередь со стороны англичан. Франция рассчитывала на получение от Германии репараций, поскольку военные действия велись преимущественно на её территории, а также гарантий своей безопасности на предстоящие десятилетия, но ее требования не были поддержаны ни британцами, ни американцами в контексте плана Вильсона, обусловливавшего вступление США в войну. В результате Франция похоронила не только мечту о репарациях, на которые рассчитывала, но и свои планы по обустройству границы по Рейну, что воспринималось как похищение у неё заслуженной победы. В то время как некоторые политики утверждали, что Версальский договор означает «неустанное созидание», общественное мнение Франции рассматривало его как «неустанное разрушение», даже похищение французской победы. Результатом стало провозглашение в межвоенные десятилетия догмата о войне во имя самозащиты и выбор в пользу оборонительной военной стратегии. Кроме того, М. Блок утверждал, что еще одной весомой причиной катастрофы 1940 г. были тяжкие воспоминания французов о Первой мировой войне, нанесшей стране огромный материальный и культурный ущерб: «В войне 1914–1918 годов было уничтожено много имущества, и это оставило горькие воспоминания. <...> Люди подумали, что лучше согласиться на все, чем вновь пережить такое обнищание» [2. С. 148].

В значительной степени эти обстоятельства стали причинами разочарования и пассивности французов, что проявилось в 1939 г. в отсутствии патристического подъема, подобного тому, который можно было наблюдать накануне Первой мировой войны. Отчасти этим можно объяснить поражение в мае 1940 г., а также то, насколько легко французы встали на сторону маршала Петэна. В общественном сознании он был победителем Верденского сражения: фактически, главным воспоминанием, сохранившимся у французов о событиях Первой мировой войны к началу Второй мировой, были Верден и А.Ф. Петэн – герой Верденского сражения 1916 г. Атмосферу, в которой в 1940 г. самими французами было «овациями» встречено перемирие Петэна с Гитлером, очень ярко описал современник тех событий, известный писатель-эмигрант Роман Гуль: «Все: крестьяне, виноградары, ремесленники, бакалейщики, рестораторы, гарсоны кафе, парикмахеры и бегущие, как сброд солдаты, – все хотели одного – что угодно, только чтоб кончилось это падение Франции в бездонную бездну. <...> У всех на уме было одно слово – «армистис» (перемирие), что означало что немцы не пойдут на юг Франции, не придут сюда, не расквартируют здесь свои войска, не будут забирать скот, хлеб, виноград, вино...» [3. С. 276–277].

«Странная война» 1940 г., закончившаяся «странным поражением», последующая немецкая оккупация двух третей территории Франции, коллаборационистский режим Виши, утвердившийся на неоккупированных территориях, движение Сопротивления – вот те события, вокруг которых, в первую очередь, формировалась историческая память об этом периоде. Именно оккупация и связанные с ней жизненные стратегии стали для французского сознания основным содержанием Второй мировой войны. «Мы не можем думать о войне, потому что мы не ведем войну... Франция не ждет от себя самоизбавления», – писал французский философ М. Мерло-Понти, подчеркивая поучительный для французов смысл уроков жизни именно в условиях оккупа-

ции (Цит. по: [4. Р. 83]). В оккупированной Франции такими конкурирующими проектами жизненных стратегий стали коллаборационизм и движение Сопротивления, которые тем или иным образом определяют и современный контекст французского политико-исторического дискурса, являясь одним из важнейших аспектов политики памяти. Важно подчеркнуть, что стремление провести четкий водораздел между «сопротивлением» и «коллаборационизмом» как основными типами поведения в условиях оккупированной Франции утвердилось лишь в более поздних исторических интерпретациях, опосредованных в том числе политическими и личными предпочтениями авторов этих интерпретаций: «Поведенческие типы, которыми характеризуется французское общество, а вместе с ним и литература этой трагической эпохи, явно не сводятся к этой черно-белой оппозиции...» [5. С. 278]. Адмирал Э.-Л.-Г. Дьеррьен, бывший участником двух мировых войн, подобно Петэну, так определял свое состояние в этой непростой ситуации жизненного выбора: «Я не знаю, кто я – верный сторонник моего Маршала или предатель своей страны» [6. Р. 244]. Показательным примером может послужить, например, и биография Франсуа Миттерана, четвертого президента Пятой республики. В молодости – участие в крайнем правом движении «Огненные кресты», затем война, немецкий плен, побег из него, служба режиму Виши, удостоившему будущего президента Ордена Франциски, и, одновременно со службой (причем не под конец войны), участие в подпольной деятельности. Или биография капитана Луи Дельфино, последнего командира легендарного авиаполка «Нормандия – Неман», закончившего войну генералом французской армии. В 1942 году он получил от петэновского режима награду за сбитый английский самолет, но после оккупации немцами юга Франции воевал уже на стороне де Голля (его отношения с летчиками, не прекращавшими борьбу с нацистами после петэновской капитуляции 1940 года, были первоначально очень напряженными).

После освобождения Франции два закона, принятых консультативной ассамблеей 24 августа и 26 сентября 1944 г., устанавливали ответственность для тех, кто сотрудничал с оккупационными властями и их союзниками. А 20 ноября французское министерство юстиции приняло решение о создании верховного суда для рассмотрения подобных дел, по которым предполагалось выносить приговоры от простого штрафа до смертной казни [7. С. 718]. К концу войны, согласно этим законам, было казнено 3920 человек (еще около 9000 линчевано без суда), 1500 отправлено на каторгу, 8500 приговорено к различным срокам тюремного заключения. Де Голль, лично изучив все дела по смертным приговорам, помиловал около 1000 человек. Смертный приговор маршалу Петэну генерал заменил на пожизненное заключение, в чем не последнюю роль сыграли воспоминания об их давних, хотя и непростых профессиональных и личных отношениях, а также о героическом прошлом маршала на полях Первой мировой войны. Даже после всех событий, связанных с периодом оккупации Франции и режимом Виши, де Голль в своих мемуарах напишет: «Моим первым полковым командиром был Петэн, который открыл для меня все значение таланта и искусства военачальника» (цит. по: [8. С. 9]).

В 1949 г., когда Ш. де Голль взял курс на утверждение принципа единства нации, судебные процессы по делам коллаборационистов были прекращены, а в 1953 г. была объявлена амнистия. Таким образом, в этот период был решен вопрос коллаборационизма: неудобные и позорные факты французской истории Второй мировой войны были затушеваны ради тезиса о «национальной концентрации». Поскольку одним из результатов «странной войны», закончившейся капитуляцией и последующей немецкой оккупацией страны (1940–1944 гг.), стало разрушение единства французской нации, восстановление этого единства признается одной из первоочередных задач поствоенного времени. В послевоенной Франции восторжествовал миф о том, что вся страна, за небольшими исключениями, поднялась по призыву генерала де Голля на борьбу против оккупантов, т.е. официальная политика памяти голлистского режима определялась, в первую очередь, памятью о Сопротивлении (*Résistance*). Концептуально как внешнее, за пределами Франции, так и внутреннее сопротивление рассматривалось как единое движение, продолжившее войну с оккупантами не совсем традиционными средствами, при этом главными действующими субъектами выступали не отдельные люди или группы лиц, а вся французская нация в целом. И хотя были проведены публичные процессы над военными преступниками и коллаборационистами, тем не менее французская политика памяти в первые послевоенные десятилетия содержала в качестве своего важнейшего элемента политику «вытесняющего забвения», в рамках которой ответственность за сотрудничество с оккупантами возлагалась только на сравнительно небольшое число отдельных лиц. Ни вишистский режим маршала Петэна, ни массовый коллаборационизм, ни геноцид в отношении евреев и других этносов, ни депортации не только не акцентировались, но и, напротив, сознательно затушевывались в рамках голлистской политики памяти, ради поддержания общенационального сопротивленческого мифа, который призван был объединить и внутренне примирить послевоенную Францию. Этой линии после ухода Ш. де Голля, придерживался его преемник Ж. Помпиду, а также позднее и Ф. Миттеран.

Лишь постепенно, благодаря изменившимся историко-политическим обстоятельствам, на смену голлистскому мифу о Сопротивлении пришло болезненное осознание фактов массового сотрудничества с оккупантами. Президент Франции Ж. Ширак прервал эту традицию «политики забвения», публично признав ответственность французского государства за депортации евреев (речь, произнесенная на мемориале жертвам «Вель д'ив» 16 июля 1995 г.). Таким образом, с большим трудом преодолевая миф Сопротивления, который с 1970-х претерпевает, как отмечают многие исследователи, постоянную деконструкцию, официальная Франция признала ответственность за соучастие в Холокосте. Это было связано в том числе и с общемировой тенденцией развития современной памяти, где «память о жертвах» («виктимизация» истории) становится центральным элементом.

К этому времени относится и проведение череды публичных процессов против видных деятелей периода национал-социалистского господства во Франции (К. Барбье, П. Бувье, М. Папюса), которые имели широкий общественный резонанс и огромное значение для эволюции культуры памяти в стране. В ходе этих процессов в качестве экспертов были привлечены многие

ведущие историки, специалисты в области французской истории периода Виши, такие, например, как Жан-Пьер Азёма, Генри Руссо, а также американский историк Роберт Пакстон [9, 10, 11]. Важным индикатором существующего разлома в социальной памяти современных французов об этом историческом периоде может служить та дискуссия, которая развернулась уже после смерти одного из осужденных на этих процессах – М. Папона, признанного судом ответственным в качестве генерального секретаря префектуры Бордо за аресты и депортацию из этого региона более 1 600 евреев и приговоренного к десяти годам тюрьмы с поражением в гражданских правах. Речь шла об этической, политической и юридической стороне вопроса его захоронения с Орденом Почетного легиона, полученным в 1961 г. при Ш. де Голле (в послевоенный период М. Папон сделал хорошую карьеру на государственной службе. – *П.Н.*). Несмотря на негодование большинства французских политических партий, кроме крайне правого Национального фронта, а также многочисленные протесты общественности, вплоть до призывов к президенту Шираку лично вмешаться, чтобы предотвратить подобное, 21 февраля 2007 г. Папон был похоронен с высшим национальным орденом Франции [12, 13, 14].

Новый виток президентских выборов вскоре качнул маятник политики памяти в другую сторону, снова поместив проблему памяти о Второй мировой войне в центр политической риторики. Уже в своих предвыборных выступлениях Николя Саркози, соперник Жака Ширака, заявил о необходимости преодолеть «тенденцию к систематическому раскаянию» и «самоотрицанию», а его первые шаги в этом направлении на посту президента продемонстрировали стремление восстановить в полном объеме старый голлистский миф Соппротивления. Так, например, в мае 2007 г. Саркози подписал своим декретом, чтобы ежегодно 22 октября французским школьникам, в качестве урока патриотизма, зачитывалось письмо 17-летнего участника Соппротивления Ги Моке, который был расстрелян немцами в 1941 г. Эти инициативы Саркози вызвали волну широких общественных дискуссий о допустимости и пределах вмешательства политики и политиков в историю: звучали как голоса, оппонирующие этим проектам французского президента, так и голоса в их поддержку. Так, например, историк Макс Галло, член Французской академии, выступил в поддержку Н. Саркози: «По истечении периода, который начался с речи Жака Ширака 16 июля 1995 г. о соучастии французского государства в преследованиях евреев, необходимо восстановить равновесие... Мы не можем сохранять из этого времени только Виши и исключать Соппротивление. Франция также была и нацией Соппротивления» [15. Р.106]. Таким образом, во французском дискурсе памяти появляется ключевая фраза о том, что «нужно сохранить равновесие», которая задает новый вектор эволюции политики памяти о Второй мировой войне в этой стране. Так, 22 июля 2012 г. ныне действующий президент Франции Франсуа Олланд в своем выступлении по случаю семидесятой годовщины трагических событий в «Вель д'Ив», отдавая дань истине, высказанной в 1995 г. его предшественником Ж. Шираком, признавшим, что «это преступление было совершено во Франции, Францией», делает новый акцент на том, что это было одновременно преступление «против Франции, против её ценностей

и идеалов», которые сумели сберечь Соппротивление, Сражающаяся Франция и праведники мира [16].

В конечном итоге, «синдром Виши» (память о коллаборационизме и депортациях) продолжает оставаться актуальным, но вместе с тем потенциально конфликтогенным элементом французского официального политико-исторического дискурса, который существенно конкурирует с личной и семейной памятью французов. Во Франции до сих пор нет однозначного подхода к коллаборационизму времен Второй мировой войны. Следует напомнить, что не прошло и шести лет с момента победы над гитлеровской Германией, как во Франции уже появилось общество «Ассоциация защиты памяти маршала Петэна», учредители которого утверждали, что все не так однозначно, как это хотят представить победители во Второй мировой, что Петэн и его соратники спасали Францию в годы войны. Таким образом, наряду с мейнстримом современной французской политики памяти всегда сосуществовали противоположные по смысловой нагрузке и историческим акцентам модели памяти о событиях последней мировой войны, которые оказывали значительное влияние на интеллектуальный, моральный и политический климат в этой западноевропейской стране. Этот раскол внутри французского общества породил даже феномен «устной гражданской войны», которая, как полагают некоторые исследователи, до сих пор идет во Франции, оказывая серьезное влияние в том числе на ее политическую и интеллектуальную элиту. А «синдром Виши» остается серьезным элементом общественного использования того недавнего прошлого, «которое не проходит» и потому упорно остается настоящим (см.: [17]).

Если миф о Соппротивлении продолжает оставаться одной из важнейших идеологием левого французского сознания, если правоцентристы-голлисты (Союз за народное движение – «Республиканцы» Саркози) колеблются между двумя стратегиями политики памяти, то консервативно настроенные французские политики, особенно крайне правые, регулярно открыто выступают в защиту национального прошлого от «очернителей» из числа левых интеллектуалов и политиков. Так, нынешние сторонники, теперь уже бывшего, лидера французских националистов Ж.-М. Ле Пена склонны к открытому оправданию вишистов. Например, ими постоянно актуализируется тема переноса праха маршала Петэна, покоящегося на острове Йе, где бывший глава режима Виши отбывал заключение, и перезахоронения его на поле, где он стяжал подлинную славу военачальника в годы Первой мировой войны – под Верденом. Таким образом, особенностью исторической памяти в современной Франции стала не только ярко выраженная политизация в трактовке специфических жизненных стратегий оккупационного прошлого страны, но и тенденция к размыванию и даже откровенному стиранию границ между этими ранее оппонирующими друг другу элементами национальной памяти о Второй мировой войне.

В современном французском публичном дискурсе формирование социокультурной памяти о феномене Второй мировой войны опирается в большей степени на рациональные ресурсы конструирования, которые продолжают использоваться различными политическими и культурными силами в собственных интересах и целях. Интересно отметить в этой связи, что заложенную

в полупрезидентской конституционной системе Пятой республики значительную роль личности французских президентов можно наблюдать и на примере их активного присутствия в качестве верховных арбитров в интерпретации определенных аспектов национальной истории. Поэтому постоянное смещение акцентов в официальном оформлении политики памяти о событиях Второй мировой войны во Франции напрямую зависит от результатов президентских выборов. Вместе с тем наблюдается и другая тенденция, которую верно выделила и определила немецкая исследовательница Ютта Шеррер, когда «...в обход важной функции централистского государства, серьезные решения, касающиеся политики памяти, в последние десятилетия принимаются в тесной увязке с интересами различных групп гражданского общества, равно как и ангажированных интеллектуалов, и не в последнюю очередь определяются динамикой исторических исследований, поставляющих всё новые материалы» [18. С. 102].

Литература

1. Руссо А. Франция Виши и Франция Сопротивления [Электронный ресурс] // Вокруг света. 2010. № 10 (2841). – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/7166/> (дата обращения: 15.02.2016).
2. Блок М. Странное поражение / пер. с фр. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 287с.
3. Гуль Р. Моя краткая автобиография // Новый журнал. 1995. № 200. С. 276–277.
4. Cooper B. Merleau-Ponty and Marxism: from terror to reform. Toronto: University of Toronto Press, 1979. 223 p.
5. Фокин С. Экзистенциализм – это коллаборационизм? Несколько штрихов к портрету Жана-Поля Сартра в оккупации // Новое литературное обозрение. 2002. № 3. С. 258–281.
6. *Dictionnaire historique de la France sous l'Occupation / Sous la direction de M. Cointet et J.-P. Cointet*. P.: Tallandier, 2000. 735 p.
7. *Правда*. 1944. 22 нояб. № 280 // Ш. де Голль: pro et contra, антология / Сост., вступ. статья, ком. Ю.Г. Акимова, К.В. Минковой. СПб.: РХГА, 2015. 1039с.
8. Молчанов Н.Н. Генерал де Голль. М.: Международные отношения, 1980. 503 с.
9. Azéma J.-P., Bédarida F. La France des années noires. T. 1: De la défaite à Vichy. Paris: Le Seuil, coll. Poinis/Histoire, 2000. 704 p.
10. Rouso H. Vichy. L'évenement, la memoire, l'histoire. Paris: Gallimard, 2001. 746 p.
11. Paxton R. La France sous Vichy. Paris: Complexe, 2004. 321 p.
12. Maurice Papon sera-t-il enterré avec la Légion d'honneur? // Le Figaro. 18 February, 2007.
13. Papon enterré avec sa Légion d'honneur // Le Figaro. 21 February, 2007.
14. Maurice Papon, enterré décoré // Libération. 21 February, 2007.
15. Gallo M. L'Ame de la France: Une Histoire de la Nation, des origines à nos jours. Paris: Fayard, 2007. 608 p.
16. *Discours du Président de la République à l'occasion du 70ème anniversaire de la rafle du Vel d'Hiv*. [Электронный ресурс] // Présidence de la République : site official. – Электрон. дан. – URL: <http://www.elysee.fr/declarations/article/discours-du-president-de-la-republique-a-l-occasion-du-70eme-anniversaire-de-la-rafle-du-vel-d-hiv/> (дата обращения: 25.02.2016).
17. Conan E., Rouso H. Vichy, un passe qui ne passe pas. Paris: Fayard, 1994. 328 p.
18. Шеррер Ю. Отношение к истории в Германии и Франции: проработка прошлого, историческая политика, политика памяти. [Электронный ресурс] // Pro et Contra. Журнал российской внутренней и внешней политики. 2009. Т. 13, № 3–4. С. 89–108. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_3.2009_all_screen.pdf (дата обращения: 16.02.2016).

Poliakova Natalia V. St. Petersburg State University. (St. Petersburg, Russian Federation).

E-mail: belnata70@yandex.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 20

THE POLITICS OF MEMORY IN MODERN FRANCE: BETWEEN COLLABORATION AND RESISTANCE

Key words: politics of memory, collaboration, Resistance, France, «Vichy syndrome».

In the article examines the political practice of constructing the image of events of the Second World War in the French public consciousness, based on the dialectic of memory and oblivion. The main trends of the evolution of official political and historical discourse in contemporary France are being analyzed.

References

1. Rousseau, A. (2010) Frantsiya Vishi i Frantsiya Soprotivleniya [The Vichy France and the Resistance]. *Vokrug sveta*. 10(2841). [Online] Available from: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/7166/>. (Accessed: 15th February 2016).
2. Block, M. (1999) *Strannoe porazhenie* [Strange Defeat]. Translated from French by E.V. Morozov. Moscow: ROSSPEN.
3. Hull, R. (1995) Moya kratkaya avtobiografiya [My brief autobiography]. *Novyy zhurnal*. 200. pp. 276–277.
4. Cooper, B. (1979) *Merleau-Ponty and Marxism: from terror to reform*. Toronto: University of Toronto Press.
5. Fokin, S. (2002) Ekzistentsializm – eto kollaboratsionizm? Neskol'ko shtrikhov k portretu Zhana-Polya Sartra v okkupatsii [Existentialism is a collaboration? A few strokes of the portrait of Jean-Paul Sartre in the occupation]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 3. pp. 258–281.
6. Cointet, M. & Cointet, J.-P. (eds) (2000) *Dictionnaire historique de la France sous l'Occupation* [Historical Dictionary of France under the Occupation]. Paris: Tallandier.
7. Pravda. (1944) 22th November. In: Akimov, Yu.G. & Minkova, K.V. (eds) *Sh. de Goll': pro et contra* [Charles de Gaulle: pro et contra]. St. Petersburg: RKhGA.
8. Molchanov, N.N. (1980) *General de Goll'* [General de Gaulle]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
9. Azéma, J.-P. & Bédarida, F. (2000) *La France des années noires* [The black years of France]. Vol. 1. Paris: Le Seuil, coll. Points/Histoire.
10. Rouso, H. (2001) *Vichy. L'événement, la mémoire, l'histoire* [Vichy. The event, memory, history]. Paris: Gallimard.
11. Paxton, R. (2004) *La France sous Vichy* [France under Vichy]. Paris: Complexe.
12. *Le Figaro*. (2007) Maurice Papon sera-t-il enterré avec la Légion d'honneur? [Maurice Papon will be buried with the Legion of Honour?]. 18th February.
13. *Le Figaro*. (2007) Papon enterré avec sa Légion d'honneur [Papon buried with his Legion of Honour]. 21st February.
14. *Libération*. (2007) Maurice Papon, enterré décoré [Maurice Papon buried with Honour]. 21st February.
15. Gallo, M. (2007) *L'Ame de la France: Une Histoire de la Nation, des origines à nos jours* [The Soul of France: A History of the Nation, from its origins to today.]. Paris: Fayard.
16. President of the Republic: official website. (n.d.) *Discours du Président de la République à l'occasion du 70ème anniversaire de la rafle du Vel d'Hiv* [Address by the President of the Republic on the occasion of the 70th anniversary of the roundup of the Vel d'Hiv]. [Online] Available from: <http://www.elysee.fr/declarations/article/discours-du-president-de-la-republique-a-l-occasion-du-70eme-anniversaire-de-la-rafle-du-vel-d-hiv/>. (Accessed: 25th February 2016).
17. Conan, E. & Rouso, H. (1994) *Vichy, un passe qui ne passe pas* [Vichy, a password that does not pass]. Paris: Fayard.
18. Sherrer, J. (2009) Otnoshenie k istorii v Germanii i Frantsii: prorabotka proshlogo, istoricheskaya politika, politika pamyati [The attitude to history in Germany and France: The study of the past, historical politics, the politics of memory]. *Pro et Contra. Zhurnal rossiyskoy vnutrenney i vneshney politiki*. 3–4. pp. 89–108. [Online] Available from: http://carnegieendowment.org/files/ProEtContra_3.2009_all_screen.pdf. (Accessed: 16th February 2016).